

ГЛАВА IX

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ САМАРСКОГО ПОВОЛЖЬЯ

Интерес к палеоантропологическим материалам возник довольно рано, параллельно с развитием археологических поисков. Для Самарского Поволжья уже первые экспедиции в 20–30-е годы В.В. Гольмстен, исследовавшие курганы эпохи бронзы в районе малых рек Кинель и Самара, сопровождалась сбором останков человека. Г.Ф. Дебец, специально посетивший летом 1930 года самарский музей общества археологии, истории и этнографии, изучил эти находки, и в 1936 году вышла первая палеоантропологическая публикация по Поволжью для эпох бронзы и железа. Основной вывод работы состоял в том, что поволжское население того времени в расовом отношении было европеоидным. Это положение, несмотря на значительно выросший объем материала, остается непреложным и по настоящие дни. Автор дал характеристику черепов и возможные генетические связи населения ямной, катакомбной и срубной культур.

Для населения ямной культуры характерны черепа с низким и ортогнатным лицом, низкими орбитами, сильно выступающим носом. Особенностью этих черепов являются сильно наклонный лоб и мощные надбровные дуги. Черепа “катакомбной” стадии выделяются брахикранией и более высоким сводом. В связи с этим автор не отрицает возможность прихода в Поволжские степи какого-то чужеродного элемента. Антропологические материалы срубной культуры в целом более грацильны. Черепа имеют менее выраженное надбровье, более прямой лоб и менее широкий скуловой диаметр. Однако, учитывая общее направление эпохальной изменчивости, вряд ли, по автору, следует предполагать приход извне населения срубной культуры (Дебец Г.Ф., 1936. С.66–69).

Несколько позже с появлением новых материалов эпохи бронзы Среднего Поволжья Г.Ф. Дебец внес некоторые дополнения в вопрос о сложении населения срубной культуры (Дебец Г.Ф., 1954). Среди ее носителей, правда, в гораздо меньшем числе и именно в лесостепной зоне (мог. Ягодное, Хрящевка в Куйбышевской обл.) был выделен умеренно брахикранный монголоидный тип. Автор считал, что распространение срубной культуры на север, в пределы лесостепной полосы, сопровождалось ассимиляцией части древнего местного населения монголоидного типа “срубными” племенами. Среди последних был распространен долихокранный, умеренно гиперморфный европеоидный тип.

В дальнейшем с территории лесной полосы Восточной Европы были получены черепа со специфическими чертами - общей грацильностью и уплощенным лицом. Многие из них отнесены к досрубному времени, к населению с неолитическим укладами хозяйства. Была выдвинута гипотеза (Бунак В.В., 1956), что в глубокой древности где-то в западном и восточном Приуралье сформировалась особая

антропологическая формация, генетически не связанная ни с монголоидами, ни с европеоидами. В связи с этим было предложено, что и черепа с плосковатым лицом, относящиеся к срубной культуре эпохи бронзы, скорее, древнего приуральского происхождения (Шевченко А.В., 1986; 1993).

Со временем был расширен вопрос и о европеоидной основе в составе населения срубной культуры. М.М.Герасимова обратила внимание на два резко брахикранных европеоидных черепа из могильника Кайбелы в Ульяновской области (Герасимова М.М., 1958). Такие черепа, по автору, к тому же лишенные монголоидных особенностей, имеются среди населения катакомбной культуры. Затем последовал ряд работ (Герасимов М.М., 1955; Кондукторова Т.С., 1956; Зиневич Г.П., Круц С.И., 1968; Круц С.И., 1976; 1977; Юсупов Р.М., 1989; Шевченко А.В., Юсупов Р.М., 1991), показавших многокомпонентность популяций срубной культуры и определенные локальные группировки. Для Волго-Уралья были выявлены очаги широколищести - в лесостепном Приуралье (мог. Старо-Ябалаклинский в Башкирии) (Шевченко А.В., Юсупов Р.М., 1991; Шевченко А.В., 1993), Нижнем Поволжье (Волгоградская и Астраханская области) (Шевченко А.В., 1984; 1986) и сравнительно узколищцы форм - в лесостепном Поволжье (Круц С.И., 1976; Шевченко А.В., 1984; 1986; 1993), Южном Приуралье (Юсупов Р.М., 1989). По мнению А.В. Шевченко, сравнительно узколищцы поволжские срубники происходят от метисации потомков местных ямников и полтавкинцев с пришедшими сюда с запада гипоморфными средиземноморцами (Шевченко А.В., 1984. С.69).

По сравнению с поздней бронзой, антропология ранних этапов этой эпохи, с которой обычно связывают ямно-полтавкинское население, довольно длительное время была представлена слабо. Медленная накапливаемость материала была обусловлена как естественной исторической закономерностью - чем глубже эпоха, тем меньше населения, так и особенностями погребального обряда того времени. Так, к примеру, в ямно-полтавкинских курганах, в отличие от срубных, содержится, как правило, гораздо меньшее число захоронений (чаще одно-два). В работах Т.С. Кондукторовой (Кондукторова Т.С., 1962), М.С.Акимовой (Акимова М.С., 1968; 1968а), А.В.Шевченко (Шевченко А.В., 1980), А.А.Хохлова (Хохлов А.А., 1991) содержатся сведения о единичных ямно-полтавкинских волгоуральских черепах. Сравнительно более массовый материал был добыт из погребений Нижнего Поволжья (Дебец Г.Ф., 1948; Гинзбург В.В., 1959; Глазкова Н.М., Чтецов В.П., 1960; Фирштейн Б.В., 1967; Шевченко А.В., 1973; 1974; 1980) и других территорий.

Для Приуралья первая по настоящему представительная серия черепов накопилась лишь к началу 90-х годов (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994б). В итоге наметилась общая картина расогенеза ямной культуры. Как и следовало ожидать, население этой огромной по занимаемой площади культурно-исторической общности не было однородным. Гетерогенность отмечалась и для отдельных серий. Это относится и к некоторым выборкам черепов ямной культуры Приуралья. Основная часть сборной серии этого региона характеризуется матуризованностью и гиперморфией в сочетании с резко выраженными европеоидными особенностями в строении

лицевого скелета (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994. С.142). Однако некоторые черепа, к примеру из Нижнепавловского могильника (Оренбургская обл.), отличаются заметной тенденцией к гипердолохокрании и гипоморфии. Весьма своеобразным оказался череп из могильника Линевка III, который продемонстрировал целый комплекс признаков специфических “лесных” популяций.

Особенное внимание работы антропологов привлекали в связи и с ныне актуальной научной дискуссией о месте возникновения древнеямных традиций. В этом вопросе громадное значение сыграло открытие в Поволжье ряда энеолитических погребений и особенно хвалынских могильников, материал которых, хорошо документированный, приподнес немало общего с элементами погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья. На основе этого сходства количество подкурганых захоронений ямной культуры, причисляемых к древнейшим, увеличилось (Дремов И.И., Юдин А.И., 1990. С.36-37).

Что касается палеоантропологических материалов, то черепа, подобные хвалынским, в ямных сериях конечно же есть. С другой стороны, А.В.Шевченко был склонен видеть сходство хвалынской серии не столько с ямными Доно-Уральского междуречья, сколько с суммарной выборкой черепов афанасьевской культуры из Минусинской котловины (Шевченко А.В., 1986. С.157). Правда, причину отмеченного сходства автор идеи не объясняет, оставив, таким образом, это на будущее рассмотрение.

Полтавкинские памятники, хронологически следующие за ямными, относят к эпохе средней бронзы. Как и раннеямные материалы, уже первые полтавкинские погребения дали неоднородный антропологический материал. Среди нижневолжской серии из могильников Быково I и Политотдельское (Волгоградская обл.; Глазкова Н.М., Чтецов В.П., 1960) отмечены как брахиканы, так и долихокраны, с разной степенью профилированности лица, а череп из лесостепной части Поволжья (Преполовенка) (Шевченко А.В., 1980) при общей гиперморфности проявил черты, свойственные для лесного населения.

За последние 15 лет целенаправленных исследований могильников эпохи бронзы Самарского Поволжья получен довольно солидный палеоантропологический материал. Часть его относится к ранее не представленным периодам, или к культурным образованиям, прежде не фиксировавшимся в Поволжье. Благодаря резко качественному углублению археологических знаний становится возможным подробнее рассмотреть и расогенетическую историю. В качестве иллюстративного сопроводителя описания прилагаются фотографии характерных краниологических типов Поволжья (рис. 1-4) эпохи бронзы, а также некоторые реконструкции лица по черепу (рис. 5, 6).

В период ранней бронзы Волго-Уральскую географическую область, включающую Самарскую лесостепь, населяют коллективы ямной культуры. Даты, полученные радиоуглеродным методом (Кузнецов П.Ф., 1996), определяют появление здесь этой культуры не позднее первой половины III тысячелетия до н.э. Следует отметить, что имеющиеся радиоуглеродные даты ямной культуры для других территорий ее распространения не отличаются большей глубиной.

Судя по археологическим наблюдениям, на северных окраинах ареала волго-уральские ямные коллективы могли иметь в соседях население, родственное воло-совскому и гаринско-борскому, а на востоке - терсекско-ботайское. Безусловно, были и другие этнические группировки, знакомые с подвижными скотоводами степей, кого-то укрывали и приволжские лесистые возвышенности. Ввиду практически полного отсутствия погребальных памятников соседних культур, трудно представить характер связей групп ямной культуры с окружающим населением. Вопрос усложняется и тем, что в археологии нет единодушного мнения по поводу хронологической последовательности ряда ямно-полтавкинских погребений. К примеру, по мнению Н.Л. Моргуновой и А.Ю. Кравцова (Моргунова Н.Л., 1991; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994), ямные погребения со скорченными на правом боку костяками появляются в Приуралье с самых ранних этапов распространения культуры. Другие (Васильев И.Б., 1979, Кузнецов П.Ф., 1990) считают принадлежность большинства таких погребений к более позднему времени - полтавкинскому.

В последних антропологических исследованиях ямно-полтавкинских древностей (Хохлов А.А., 1997; 1998а; 1998б; 2000) была учтена полемика исследователей. Имеющийся краниологический материал Самарского Поволжья (65 черепов) относится к двум этапам: раннеямному и ямно-полтавкинскому. В результате такой ранжировки в ранней группе оказались в основном черепа от скелетов, лежащих на спине с согнутыми в коленях ногами. В то же время во второй группе доминируют черепа от погребенных, скорченных на правом боку.

Анализ позволил установить неоднородность населения, оставившего на этой территории ранние ямные курганы. Причем намечаются определенные географические привязки. Так, в лесостепной части Заволжья очевидно преобладают черепа матуризованные, с крупными размерами, мезокранные и вообще с резко выраженными европеоидными чертами. В прилегающих степных районах Поволжья и Приуралья представлен, в основном, иной компонент - менее массивный и менее крупный, долихокранный. Этот краниологический тип очень сходен с поволжскими черепами из "древнейших подкурганых захоронений" (Бережновка I, 5/22, Бережновка II, 9/10) и энеолитическими из Хвалынского I могильника. В определенной мере, это может свидетельствовать в пользу точки зрения о вырастании древнеямных культурных традиций Волго-Уралья на основе хвалынских.

Говоря о физическом облике населения неолита-ранней бронзы юга Восточной Европы, приходится излагать факт, что обобщенные краниологические серии, как ямников Поволжья, так и из других крупных регионов, по основным параметрам, действительно, ближе к умеренно широколицым хвалынским черепам (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994б; Хохлов А.А., 1998б), нежели к гиперморфным неолитическим сериям Украины и Волго-Донья. Такое крупномасштабное сравнение может говорить о некоей эпохальной "победе" носителей умеренно массивных краниологических комплексов, быть может в силу их количественного доминирования, или большей генетической адаптированности к настоящим степным условиям, либо

в виду каких-то социально-политических факторов. Однако такой подход не может однозначно привести к раскрытию тайны происхождения создателей древнеямных курганных традиций.

Уже указывалось, что в лесостепном Заволжье доминировала другая раннеямная группировка - с более массивным строением черепа, крупным, резко профилированным лицом. По физическим чертам эти люди мало схожи с хвалынскими. Едва ли имеют они и местное происхождение. Доямные племена ново-ильинской, гаринско-борской, волосовской культур, обитавшие в этом крае, генетически восходят к северным - лесным областям Восточной Европы. Ввиду отсутствия или слабой представленности палеоантропологического материала этих культур невозможно с уверенностью говорить о физическом облике их носителей. С древнейших времен и в послеемное время в Среднем Поволжье превалирует население с менее матуризованными чертами и умеренно уплощенным лицом. Логично предположить, что названным северным пришельцам также был свойствен в большей части специфический "лесной" комплекс. К сведению, все же одна локальная группа, проживавшая непосредственно в доямное или синхронное время в лесостепном Заволжье, дала антропологический материал. Имеются в виду материалы грунтовых захоронений у с. Гундоровка. Погребенные здесь люди при жизни имели небольшой рост, мезо-брахиморфные пропорции телосложения, а краниологически они сопоставимы с древним урало-лапоноидным населением (Овчинникова Н.В., Хохлов А.А., 1998). Таким образом, ничего общего с достаточно высокорослыми, резко европеоидными ямниками они не имели. Основной контингент последних, видимо, генетически связан с какими-то более южными популяциями. Действительно, близкие аналогии свойственным им черепам обнаруживаются, и даже на популяционном уровне - прежде всего, среди ямных серий Нижнего Поволжья и Дона. В предшествующее же время тождественные ямным массивные, с широким лицом черепа были характерны для неолитических племен днепро-донецкой культуры и отчасти энеолитической среднестоговской.

Обращает внимание некоторая морфологическая специфика ранних ямных черепов Самарского Поволжья - покаты́й лоб, резко выступающий массивный затылок на фоне пониженной мозговой коробки. Представляется, что этот антропологический комплекс мог оформиться где-то в зоне массивированных контактов между представителями умеренно широколицых, резкопрофилированных краниокомплексов, наподобие хвалынского или мезолитического украинского - с одной стороны, и гиперморфного, наподобие надпорожско-приазовского - с другой. В позднеэнеолитическую эпоху такой метисационной зоной могли являться территории Волго-Донского междуречья и прилегающих областей.

В археологии самостоятельный вес имеют памятники так называемого репинского типа. Считается, что раннее ядро репинских памятников локализуется в лесостепной и прилегающих к ней степной частях бассейна Среднего Дона (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985; Трифонов В.А., 1996) и в генетическом плане больше всего соответствует среднестоговской культуре (Васильев И.Б., Синюк А.Т., 1985).

Впоследствии племена репинской культуры широко распространяются в южном, юго-западном и северном направлениях (Васильев И. Б., Синюк А. Т., 1985). Репинская керамика мощным пластом перекрывает хвалынскую и на востоке - в памятниках Северного Прикаспия, и все чаще фиксируется в районах степного и лесостепного Заволжья, в том числе в древнеямных курганах. Некоторые исследователи (Барынкин П. П., 1992; Трифонов В. А., 1996; Кузнецов П. Ф., 1997) именно эти памятники отождествляют с раннеямными. Впрочем, вклад репинских культурных традиций в сложение ямных признают все.

К сожалению, антропология конкретно репинских материалов исчерпывается всего двумя скелетами - Быково I, 12/7 (Волгоградская обл.) (Глазкова Н. М., Чтецов В. П., 1960) и Лопатино I, 31/1 (Самарская обл.) (материалы П. Ф. Кузнецова). Однако их черепа довольно выразительны и демонстрируют как раз тот набор специфических признаков, который свойствен и раннеямным черепам лесостепного Заволжья (Хохлов А. А. 1998а. С. 105). Поэтому вряд ли будет удивительной мысль, что население, оставившее некоторые репинские и раннеямные памятники, генетически едино. А также та, что нахождение в раннеямных курганах Волго-Уралья останков людей с довольно массивным строением черепа, в какой-то мере, отражает распространение репинского населения.

Следует сказать, что палеоантропологический материал, что само собой разумеется, не решает вопроса происхождения культуры. Он раскрывает вопросы генезиса древних человеческих коллективов, а, следовательно, может существенно уточнить общую этногенетическую картину. Можно уверенно говорить, что в этногенезе населения ранней бронзы Волго-Уралья были задействованы представители различных антропологических формаций. В это время здесь заметно усиливается вес гиперморфного компонента, проникающего, видимо, с более западных территорий. Вследствие этого происходит частичная ассимиляция местных, близких по хозяйственному укладу, коллективов - потомков древних хвалынцев. Это находит отражение в части местных краниологических материалов, демонстрирующих промежуточные черты, а также в некоторой нивелировке общей массивности сложения скелета на региональном уровне.

Позднее, на ямно-полтавкинском этапе, с наступлением эпохи средней бронзы, история контактов волго-уральских народов еще более усложняется. Во-первых, антропологический материал показывает, что в среднем ямно-полтавкинцы отличаются от ранних ямников долихоцефальной, высокой головой и более узким лицом. Эти черты резко доминируют у погребенных скорченно на боку. В то же время ямно-полтавкинцы, погребенные в позе на спине, являются в основном носителями гиперморфных черт, свойственных и ранним ямникам лесостепного Заволжья. Подобные параллели в различиях краниологического материала были отмечены С. И. Круц (Круц С. И., 1977) среди ямных серий Украины. Причем, погребенные скорченно на боку, по мнению С. И. Круц, являются носителями протосредиземноморского типа. Следует сказать, что "скорченники" Украины и Волго-Уралья имеют некоторые различия, как по погребальному обряду, так и по кранио-

логическим чертам. Эти различия вполне объяснимы особенностями совокупных социо-природных локальных условий. В общем же контексте такие параллели могут подразумевать тесную взаимосвязь исторических процессов, происходивших в то время в степях Украины и Волго-Уралья. Появление в обоих регионах людей с чертами, близкими к средиземноморским и тесно связанных со сложными погребальными конструкциями в курганах, возможно, следует связывать с веерообразным распространением какого-то более южного, но родственного древнейшему населению. Как известно, южной периферией степного мира, были территории Предкавказья, Причерноморья и северного Прикаспия.

В Волго-Уралье это пришлое население заняло сравнительно более свободные территории, ближе к южным отрогам Уральского горного хребта.

Несколько захоронений ямно-полтавкинского времени отличаются наличием в могилах подбоя, а у некоторых погребенных прослеживается искусственная деформация мозговой коробки. Этот обычай, применяемый при помощи тугого бинтования головы или накладывания дощечек еще в детском возрасте, явно чужеродный для этих мест. Зато он, как и подбой - сильно упрощенный элемент катакомбы, был характерен для населения, появившегося в южнорусских степях с катакомбными погребальными традициями. Видимо, наличие этих элементов культуры в Самарской лесостепи является отголоском бурных метисационных процессов между людьми ямной и катакомбной культур, развернувшихся в Волго-Донском междуречье (Шевченко А.В., 1986; 1993). Идею о прямом проникновении катакомбных племен на территории степного Заволжья и далее - в Южное Приуралье развивает М.А. Турецкий (Турецкий М.А., 1990; 1999).

Местное полтавкинское население, в отличие от ямного, более разнородно. Видимо, их коллективы были менее замкнуты для межпопуляционных браков. Безусловно, одной из магистральных причин этого явились активные перемещения европейского населения, начавшиеся где-то в середине III тыс. до н. э. и приведшие в движение всю степь. Возможно это происходило в результате интенсивного хозяйственного освоения степных угодий, экологических кризисов, военно-политических и экономических устремлений вождей племен и т. д.

Не всегда встречи в кочевой зоне разных племен заканчивались миролюбиво. Из обследованных ямно-полтавкинских черепов 31% несут на себе травматические повреждения, многие из которых были смертельными. В некоторых случаях отмечается прижизненный слом носовых костей, полученный, вероятно, в рукопашном столкновении (Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998. С.32,33).

Полтавкинское население, европеоидное в основе, контактировало не только с народами, близкими по хозяйству и, в определенной степени, по языку. На северо-восточных окраинах полтавкинского ареала выявляются погребения с керамикой, близкой лесным средневожжским и приуральским культурам. Несколько полтавкинских черепов несут черты уралоидной антропологической формации. Это, безусловно, говорит о существовании брачных связей с населением, которое, судя

по изначальной территории своего формирования, могло принадлежать к другому языковому корню.

Почти одновременно с полтавкинской в районах Среднего Поволжья развивается самобытная абашевская культура - до сих пор довольно дискуссионная по происхождению. Со времен опубликования опорных антропологических материалов этой культуры - знаменитого Пепкинского кургана, других сведений практически не появилось. По мнению Г.В. Лебединской и М.М. Герасимовой черепа из этого кургана ближайшие географические аналогии находят среди серий балановско-фатьяновских могильников (Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. С.38). Основные носители этих культур, обладавшие сравнительно узким лицом и долихоцефалией, по-прежнему не находят аналогий в предшествующих материалах Среднего Поволжья. Возможно, генетические корни этого широко распространеннейшего в лесной зоне населения, действительно следует искать где-то в районах Центральной Европы (Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966. С.43). Как показывают другие находки и суждения о них (Дебец Г.Ф., 1948; Акимова М.С., 1968; 1955; Шевченко А.В., 1984; 1986; 1993) абашевцы были не менее восприимчивы к контактам с окружающим населением, чем полтавкинцы. Череп из Ольгашинского могильника - гиперморфного европеоидного типа, а из Катергино-Бишево, как отмечали некоторые исследователи (Дебец Г.Ф., 1948; Шевченко А.В., 1984; 1986; 1993) - вообще экваториального. Собственно говоря, среди самих пепкинских черепов некоторые (к примеру - $\square 8$, $\square 136$, $\square 14$) демонстрируют черты аборигенных, с умеренно уплощенным лицом, групп. Это же можно сказать и о приуральских черепах из Чуракаевского могильника. Последние, на фоне хорошей горизонтальной профилировки, производят впечатление довольно грацильных (Акимова М.С., 1968. С.12) и имеют слабо выступающий нос. Практически все перечисленные морфологические комбинации абашевцев, в том числе и "псевдо-негроидный", представлены и в балановском могильнике (Герасимов М.М., 1955; Акимова М.С., 1963).

Часть абашевского населения продвинулась и на территории Самарской лесостепи (Кузьмина О.В., 1992; 1999). Каков был физический тип этих групп, пока неизвестно. Учитывая большой исторический путь и высокую коммуникабельность этих лесостепных скотоводов, вполне возможно ожидать, что их внешность могла отличаться от той, которую имели их предки.

В заключительной части эпохи средней бронзы в лесостепном Волго-Уралье появляются памятники так называемого "потаповского" типа. Погребальный обряд населения, оставившего эти памятники, нестандартен для этих мест, отличается обилием сопутствующего инвентаря и мощными жертвенниками животных. Анализ антропологического материала Потаповского I могильника дал не менее интересные результаты. Было отмечено (Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994а. С.188, 189), что погребенные в курганах люди неоднородны по происхождению. Многие являлись носителями мезокранного, широколицего краниологического типа, распространенного в предшествующую эпоху в лесостепной и степной зонах Восточной Европы. В то же время, в серии встречались черепа долихокранные, с узким

лицом, а также сравнительно грацильные, с умеренно уплощенным. Их носители, вероятно, имели другую родословную. Все это подсказывало довольно сложный процесс взаимоотношений народов в этой части Волго-Уралья.

Анализ последовавших материалов подобных памятников (мог. Лопатинский II, Утевский VI, Грачевка II) укрепил вывод о гетерогенности “потаповских” популяций. Совокупные данные показывают (Хохлов А.А., 1998б. С.20), что основной компонент представлен населением с массивными, мезо-долихокранными, широкими в лицевой части черепами. За последние годы целенаправленных раскопок в Самарском крае заметно возросло количество аналогов этим черепам среди местных ямно-полтавкинских серий. Возможно, именно их носители составили основное звено в сложении “потаповских” популяций.

Из заволжских материалов этого времени несколько необычна серия Лопатинского II могильника. Она выделяется низкой мозговой коробкой и несколько уплощенным лицом. Такие характеристики были свойственны населению приуральского происхождения. Низкий свод на фоне в целом европеоидного комплекса, сближает эту серию и с абашевской из Пепкинского кургана. Можно думать, что люди, оставившие Лопатинский II могильник, каким-то образом были связаны с абашевскими поселенцами.

Все поволжские серии содержат еще один общий краниологический компонент, представленный преимущественно женскими черепами. Они характеризуются в основном мезо-брахикранией, менее высоким сводом, низким и более уплощенным лицом. Этот компонент, несомненно, связан своим происхождением с населением древнейшей северно-евразийской формации. Пока невозможно точно сказать, какие этнические группы представляли предки людей с умеренно уплощенным лицом, захороненные в “потаповских” могильниках. Ближайшее окружение европеоидного ямно-полтавкинское и абашевско-балановское населения практически не представлено палеоантропологическим материалом. В этом плане больше хотелось бы знать и о создателях вольско-лбищенской культуры, укрывавшихся в то время на лесистой Приволжской возвышенности. Потенциально это население также могло содержать специфический северный компонент.

Из ближайших соседей большого внимания заслуживают те, что оставили погребения в Зауралье на территории энеолитического поселения Ботай. Небольшая ботайская серия черепов отличается завидной полиморфностью. Здесь имеются европеоидные с широким лицом, а череп из п.2 (ск.4) несет промежуточные - европеоидно-монголоидные черты, либо может рассматриваться как один из экваториальных вариантов (Рыкушина Г.В., 1984. С.134). С поступлением более широкого сопоставительного материала из районов по обе стороны Урала, на наш взгляд, “ботайские” люди представляют результат метисации европеоидного степного населения и именно уралоидного. Что касается возможных экваториальных черт на черепе из погребения 2 (ск.4) поселения Ботай, можно предполагать, что если они встречались в добронзовый период у населения Приуралья, то, вероятно, могли встретиться и в Зауралье. Так, подобные черты отмечались на западно-сибирских неолитических

ких черепах из могильников Протока и Сопка-2 (Хохлов А.А., 1996а. С.135), генетически связанных, по мнению авторов, опубликовавших эти антропологические материалы, Т.А. Чикишевой и Т.С.Балуевой (Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989) с популяциями лесной полосы Северной Евразии.

Ботайские черепа, несущие уралоидные черты, очень специфичны. На фоне сравнительно уплощенного лица они массивны, долихокранны, имеют коротковатые, со специфической вырезкой на конце носовые косточки. Точно такие же черепа имеются в волго-уральской серии Потаповка I, а также сериях синташтинской (Танаберген II) и петровской (Восточно-Курайлинский I) культур Южного Приуралья (Хохлов А.А., 1996в). Сравнивая эти черепа, следует помнить, что “потаповские” материалы Волго-Уралья и синташтинские Зауралья составляют единый блок близкородственных культурных образований.

В настоящее время антропология, даже обладая солидным материалом, не может повлиять на затянувшийся спор коллег археологов о конкретной исторической прародине творцов потаповско-синташтинских культурных традиций. Слишком мал хронологический интервал между созданиями этих памятников, а, следовательно, невозможно точно указать на опорный - древнейший из них.

Пока приходится говорить, что набирающий в эпоху средней бронзы миграционный темп в степной и лесостепной зоне Восточной Европы привел в итоге к смешению разноэтнических группировок и образованию довольно ярких культурных образований. В Приуралье и Зауралье в этот процесс активно включились местные слои населения, связанные с уралоидной антропологической формацией. По-видимому, именно они составили базисный пласт населения, на котором сформировались потаповско-синташтинские популяции. Экстраполируя эти наблюдения на более древнее время, приходится напомнить, что подобный процесс, правда, несколько менее мощный по силе, происходил в Поволжье при формировании хвалынского неолитического этноса.

В вопросе генезиса волго-уральских популяций периода средней бронзы нельзя оставить без внимания наблюдения, что среди мужского контингента “потаповцев” доминируют именно европеоды - с резким профилем лица. В женской половине, напротив, больше уралоидных черепов. Это, с накоплением большего фактического материала, может объяснить конкретные механизмы взаимодействия разноэтнических групп в ту историческую эпоху.

Нельзя также не упомянуть, что многие урало-поволжские исследователи именно эту культурную общность (синташтинско-потаповскую) связывают с легендарными ариями, известными по древнейшим письменным источникам Ригведе и Авесте. Загадочно “северное” происхождение ариев. В текстах изначальной прародиной называются места, где “полгода полярная ночь, где северное сияние, где падают белые хлопья с небес”. Возможно, именно брачные предпочтения приуральских скотоводов той эпохи подскажут смысловую нагрузку этих строк древних эпосов. Ведь именно женщины - матери могли вложить в уста своих маленьких воспитанников народные сказания и притчи, придуманные их далекими предками, обитавшими когда-то на близких к приполярному Уралу территориях.

Судя по имеющимся краниологическим материалам, приоритет в сложении физического типа населения, оставившего в Заволжье потаповские памятники, принадлежал лесостепным и степным европеоидным популяциям. Весьма вероятно, что к таковым относились местные ямно-полтавкинские племена. Вместе с тем в южноуральских близкокультурных группах (мог. Танаберген II, Восточно-Курайллинский I) доминировали узколицие европеоиды.

Где-то в XVI-XV вв. до н.э. Волго-Уралье наполняют раннесрубные - покровские культурные традиции. Несколько могильников происходят с территории Самарского Поволжья. Антропологический материал, в некоторых случаях довольноно представительный, дали курганы, исследованные у сел Спиридоновка (Спиридоновка II), Рождествено (Рождествено I), Уваровка, Новая Орловка. Вопреки ожиданию, носители покровских традиций оказались довольно резко отличными от своих территориальных предшественников - потаповского населения. Во всех перечисленных сериях, ни то чтобы был слабо представлен гиперморфный, мезокранный антропологический компонент, его там практически нет. Основу населения, оставившего названные покровские памятники, составили долихокранные, сравнительно узколицие европеоиды. Едва ли можно предположить, что они могли являться продуктом метисации европеоидных и уралоидного компонентов, отмеченных в потаповских сериях.

Краниологически они оказались наиболее сходными с европеоидами древне-средиземноморского происхождения (Хохлов А.А., 1998; 1999). Следует сказать, что ко времени средней и поздней бронзы ареал средиземноморского комплекса заметно расширился. Непосредственно в досрубное время он уже доминировал в степном Приднепровье (культура многоваликовой керамики) (Круц С.И., 1984), Среднем Поволжье (культуры балановская и абашевская) (Герасимов М.М., 1955; Акимова М.С., 1963; Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М., 1966), Средней Азии (Кияткина Т.П., 1976). Отмечен он и в местных - полтавкинских (со скорченными на боку костяками), отчасти потаповских, а также южноуральских синташтинско-петровских материалах. Какие из средиземноморских потомков внесли больший вклад в формирование покровского населения, сказать пока трудно. Видимо, для этого периода бронзы, когда еще больше усилились демографические процессы, излишне прямолинейным будет и вывод о массивном проникновении в Волго-Уралье каких-то высоколицых и долихокефальных европеоидов - с последующим вытеснением местного матуризованного населения.

В покровских сериях (Спиридоновка II, Рождествено I) Самарского Поволжья фиксируются очень необычные черепа. От основного контингента они отличаются пониженными симотическими величинами, вогнутой спинкой носа, отсутствием скуловой вырезки, громадными сосцевидными отростками. В их чертах чувствуется примесь уралоидной расы, а планиграфически они происходят из погребений, расположенных ближе к центру курганов (Спиридоновка II). Аналогов таким черепакам в более ранних сериях автору неизвестно. Возможно, они представляют потомков от баланово-абашевско-уралоидных или синташтинско-уралоидных смешений, возможно от каких-то других. Вероятно также, что они могут отра-

жать специфику брачных связей покровских и каких-то “восточных” племен. Выяснение этих антропологических тонкостей - дело будущего. Пока приходится констатировать, что в начале поздней бронзы происходит довольно резкое обновление генофонда племен самарской лесостепи. Причем немалую роль в этом играли и люди с “восточными” чертами.

Проникновение инородного (или нескольких) компонентов, видимо, в большей степени носило диффузионный характер. Местное население частично было ассимилировано, частично, возможно, отходит в другие районы. Так, материалы рядом расположенного со спиридоновским могильника Чистый Яр I отражают смешение одного из покровских компонентов, а именно “восточного”, с тем, что был представлен среди ямно-полтавкинского населения. Большинство классических срубных могильников лесостепного Поволжья представлены долихокранными черепами со среднешироким лицом и большей матуризованностью. Безусловно, эти черты также являются дериватом метисных процессов между проникавшими в лесостепь гипоморфными и местными гиперморфными европеоидами. В отношении происхождения срубного населения примерно такая же идея была высказана еще А. В. Шевченко (Шевченко А. В., 1984. С. 69). Однако, с накоплением материала, на наш взгляд, стало невозможным утвердительно говорить именно о западном происхождении гипоморфных европеоидов. Процесс сложения многочисленных популяций срубной культуры кажется намного тоньше и, вероятно, в некоторых случаях был обусловлен не только природно-климатическими и экономическими причинами, но и социально-политическими. К тому же хронологически ближайшие претенденты на роль гипоморфных европеоидных предков срубного населения выявились и в других направлениях. Достаточно сказать, что срубники Южного Приуралья (Юсупов Р. М., 1989), а затем и алакульцы Западного Казахстана (Гинзбург В. В., 1962; Алексеев В. П., 1967) являлись, в основном, носителями сравнительно узколищевого, долихокранного краниологического типа. Не столь вероятно предположить генетическую связь последних с синташтинскими и даже какими-то другими - южными краниокомплексами.

Здесь уместно привести мнение Г. Б. Здановича (Зданович Г. Б., 1995. С. 41), согласно которому к концу XVI века до н. э. синташтинцы под натиском своих восточных соседей и почти кровных родственников - петровских племен - были вынуждены оставить восточные склоны Урала и уйти на запад.

Собственно о большом вкладе потаповско-синташтинских, а также и абашевских традиций в формировании раннесрубных отмечалось в археологической литературе неоднократно. В науке по-прежнему остро стоит вопрос о конкретных этнических претендентах, заложивших фундамент великой степной державы поздней бронзы - срубной культурно-исторической общности.

А. В. Шевченко (Шевченко А. В., 1984; 1986; 1993) отметил очаги широколищести групп срубной культуры, локализованных в районах Нижнего Поволжья и лесостепного Приуралья. Предположено (Шевченко А. В., Юсупов Р. М., 1991. С. 107; Шевченко А. В., 1993. С. 103), что популяции этих районов могут генетически восходить к носителям гиперморфного европеоидного типа, распространенного в эпохи ранней и средней бронзы среди степных, в том числе ямно-полтавкин-

ских и позднекатакомбных племен. Видимо, районы лесостепного Приуралья в эпоху поздней бронзы стали последним оплотом создателей некогда единой культурно крупнейшей скотоводческой провинции, пристанищем последних “могилок” степей. К периоду финальной бронзы антропологический тип, свойственный первоначально многим древнеямным коллективам, практически исчезает и в Волго-Уралье. Встречается он пока только в индивидуальном порядке.

В сложении физического облика населения срубной культуры Волго-Уралья, безусловно, принимали участие люди других окружающих группировок. Общий вид и конфигурации черепов самарских могильников Студенцы, Поглавское, Алексеевский, Съезжее говорят о том, что в родословной людей, оставивших их, были, вероятно, абашевские корни. На каком-то этапе поздней бронзы, в процесс расогенеза срубного населения, а именно на северо-восточных окраинах его ареала, было вовлечено и население лесного происхождения. За это положение, выдвинутое еще Г.Ф. Дебецем (Дебеч Г.Ф., 1954), свидетельствуют новые антропологические материалы (Хохлов А.А., 1998а; 1998б). Только следует иметь в виду, что это население в расовой таксономии относится не к монголоидам, а к уралоидам. Также видится, что участие уралоидов было лишь спорадическим. Другое дело в северных районах Среднего Поволжья. При распространении там срубной культуры, безусловно, с частью ее носителей, мигрантам пришлось столкнуться со сравнительно многочисленным аборигенным населением. Первоначальные культурные контакты постепенно переросли в брачные и в итоге вылились в формирование особых физических черт местного населения - носителей приказанской и затем маклашеевской культур.

Жизнь людей Самарского Заволжья в этот период нормализуется. Малое число травм на скелетах срубной культуры (Кузнецов П.Ф., Хохлов А.А., 1998) по сравнению с предшествующими материалами, может свидетельствовать о более или менее миролюбивой социальной обстановке.

Примерно в XIV в. до н.э. - период финальной бронзы отношения между срубным населением лесостепного Заволжья и окружающим вновь обострились. В силу каких-то причин традиции срубной культуры в Волго-Уралье исчезают, и им на смену приходят другие, связываемые исследователями (Колев Ю.И., 1988; 1991) с восточными - урало-западносибирскими территориями. Антропологические материалы последних, именуемых в археологической науке сусканскими, ограничиваются пока двумя скелетами из Утевки и одним из могильника Студенцы (курган 1, погр.2). Все они принадлежали европеоидному населению. Безусловно, по столь ничтожной выборке невозможно составить исчерпывающую характеристику популяции, оставившей сусканские памятники, как нельзя точно установить и их географическое происхождение. Аналоги имеющимся сусканским черепам можно обнаружить в синхронных сериях обширной лесостепной и степной полосы Евразии.

На этом антропологические материалы эпохи бронзы Волго-Уралья пока и ограничиваются. Некоторые культуры, бытовавшие в этот период на этих территориях, пока не представлены палеоантропологическим материалом или же представлены слабо. Поэтому многие вопросы расогенетического порядка еще будут уточ-

няться. Еще более затруднительно провести мостик от эпохи финальной бронзы к раннежелезному веку, так как по данным археологии между известными волгоуральскими культурами этих периодов имеется довольно большой хронологический разрыв. Имеющиеся палеоантропологические данные показывают (Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970; Шевченко А.В., 1991; Яблонский Л.Т., 1996; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997; Балобанова М.А., 1998), что появившееся в поволжских степях савроматское население физически имело мало общего с позднесрубным и генетически восходит, вероятно, к южно-уральским и казахстанским кочевым популяциям. Судьба же многочисленных коллективов срубной культуры неизвестна. Из всех популяций железного века наибольшее совокупное морфологическое сходство с последними демонстрируют, пожалуй, причерноморские скифы.

Многие из высказанных положений о расогенезе в эпоху бронзы на территории Самарского Поволжья, а также краниометрические данные изложены в работах автора, приведенных в общем списке литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В.П.*, 1967. Антропология андроновской культуры // СА. □1.
- Акимова М.С.*, 1955. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // КСИЭ. Вып. 23.
- Акимова М.С.*, 1963. Палеоантропологические материалы из Балановского могильника // Балановский могильник (Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы). М.
- Акимова М.С.*, 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Акимова М.С.*, 1968а. Материалы к антропологии древнего населения Южного Урала // АЭБ. Т. III.
- Багаутдинов Р.С., Пятых Г.Г.*, 1977. Новые данные о восточных связях полтавкинских племен // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев.
- Бадер О.Н.*, 1963. Балановский могильник. М.
- Балабанова М.А.*, 1998. Антропологический состав и происхождение ранних кочевников Южного Приуралья и Нижнего Поволжья VI века до н.э. – 1-ой половины II века н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Барынкин П.П., Козин Е.В.*, 1991. Некоторые результаты исследований II Больше-раковской стоянки (о культурно-хронологическом соотношении материальных комплексов памятника) // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.
- Барынкин П.П.*, 1992. Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Бунак В.В.*, 1956. Человеческие расы и пути их образования. СЭ. □1.
- Бунак В.В.*, 1980. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.
- Васильев И.Б.*, 1979. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. Куйбышев.
- Васильев И.Б., Синюк А.Т.*, 1985. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев.
- Герасимов М.М.*, 1955. Восстановление лица по черепу // ТИЭ. Т. XXVIII.

- Герасимова М.М.*, 1958. Черепа из погребений срубной культуры в Среднем Поволжье // КСИИМК. Вып. 71.
- Гинзбург В.В.*, 1959. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 60.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П.*, 1960. Палеоантропологические материалы Нижне-волжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. 78.
- Дебец Г.Ф.*, 1936. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. □1.
- Дебец Г.Ф.*, 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т.4.
- Дебец Г.Ф.*, 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // МИА. 42.
- Дремов И.И., Юдин А.И.*, 1990. Древнейшие подкурганые захоронения степного Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тезисы докладов. Куйбышев.
- Зданович Г.Б.*, 1995. Аркаим. Арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования, поиски, открытия. Челябинск.
- Зиневич Г.П., Круц С.И.*, 1968. Антропологическая характеристика древнего населения территории Украины (по материалам экспедиций 1961-1963 гг.). Киев.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.*, 1997. Саки Нижней Сырдарьи. М.
- Кияткина Т.П.*, 1976. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. Душанбе.
- Колев Ю.И.*, 1988. Опыт сравнительно-статистического анализа керамических комплексов позднего бронзового века // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев.
- Колев Ю.И.*, 1991. Новый тип памятников конца эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара.
- Кондукторова Т.С.*, 1956. Материалы по палеоантропологии Украины // ТИЭ. Т.33.
- Кондукторова Т.С.*, 1962. Антропологические данные по древнему населению Оренбургской области // ВА. Вып. 11.
- Кондукторова Т.С.*, 1973. Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.
- Круц С.И.*, 1976. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Круц С.И.*, 1977. Население степной Украины в эпоху энеолита-бронзы (по антропологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Круц С.И.*, 1984. Палеоантропологические исследования степного Поднепровья. Киев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1989. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск-Куйбышев.
- Кузнецов П.Ф.*, 1996. Новые радиоуглеродные даты для хронологии клыгур энеолита-бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. Ежегодник радиоуглеродной лаборатории. Вып. 1. СПб.

- Кузнецов П. Ф., 1997. Рау и современное состояние изучения памятников ранней-средней бронзы Поволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (Материалы международной научной конференции). Энгельс.
- Кузнецов П. Ф., Хохлов А. А., 1998. Следы травматических повреждений людей по материалам погребений эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Кузьмина О. В., 1992. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара.
- Кузьмина О. В., 1999. Керамика абашевской культуры // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Моргунова Н. Л., Кравицов А. Ю., 1991. Древнеямная культура Приуралья (по материалам Оренбургской экспедиции) // СА. □2.
- Моргунова Н. Л., 1991. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. □4.
- Моргунова Н. Л., Кравицов А. Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.
- Овчинникова Н. В., Хохлов А. А., 1998. Исследование грунтового могильника у с. Гундоровка в лесостепном Поволжье // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь.
- Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балужева Т. С., 1989. Неолитические могильники северной Барабы. Новосибирск.
- Рыкушина Г. В., Зайберт В. Ф., 1984. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск.
- Тот Т. А., Фириштейн Б. В., 1970. Антропологические данные к вопросу о великом переселении сарматов. Л.
- Трифонов В. А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточно-европейского бронзового века (Материалы международной научной конференции). Волгоград.
- Туецкий М. А., 1990. О соотношении позднеямных и раннеполтавкинских комплексов Заволжья // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Куйбышев.
- Туецкий М. А., 1999. Курган 2 у с. Тамбовка (к вопросу о проникновении катакомбной культуры в степное Заволжье) // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 1. Самара.
- Фириштейн Б. В., 1967. Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев.
- Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимова М. М., 1966. Пепкинский курган (абашевский человек). Йошкар-Ола.
- Хохлов А. А., 1991. Краниологическая характеристика черепа из погребения 1 кургана □4 могильника Кутулук // Древности восточно-европейской лесостепи. Самара.

- Хохлов А.А.*, 1996а. К вопросу об особой евразийской формации // Вестник антропологии. Вып.2. М.
- Хохлов А.А.*, 1996б. Об абашевском антропологическом компоненте в могильниках западных районов синташтинско-потаповской культурной общности // Урало-Поволжская студенческая конференция. Тез. докл. Уфа.
- Хохлов А.А.*, 1996в. Краниология могильников потаповского типа в Поволжье, синташтинского и петровского - в Казахстане // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века (Материалы международной научной конференции). Волгоград.
- Хохлов А.А.*, 1997. К вопросу о происхождении ямно-полтавкинского населения пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей (Материалы международной научной конференции). Саратов.
- Хохлов А.А.*, 1998а. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА РАН.
- Хохлов А.А.*, 1998б. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Хохлов А.А.*, 2000. Краниологические материалы ранней и начала средней бронзы Самарского Заволжья и Оренбуржья // Вестник антропологии. №6. М.
- Шевченко А.В.*, 1973. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // СЭ. №6.
- Шевченко А.В.*, 1974. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. Л.
- Шевченко А.В.*, 1980. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.
- Шевченко А.В.*, 1984. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л.
- Шевченко А.В.*, 1986. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.
- Шевченко А.В.*, 1993. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. САИ. В1-10. Т.1. Саратов.
- Шевченко А.В., Юсупов Р.М.*, 1991. Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа.
- Шевченко А.В., Фириштейн Б.В.*, 1991. Палеоантропология населения Кобякова городища I-III вв. н.э. (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии. СПб.

Юсупов Р.М., 1989. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994а. Новые краниологические материалы эпохи бронзы Самарского Заволжья // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А., 1994б. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приуралья. М.

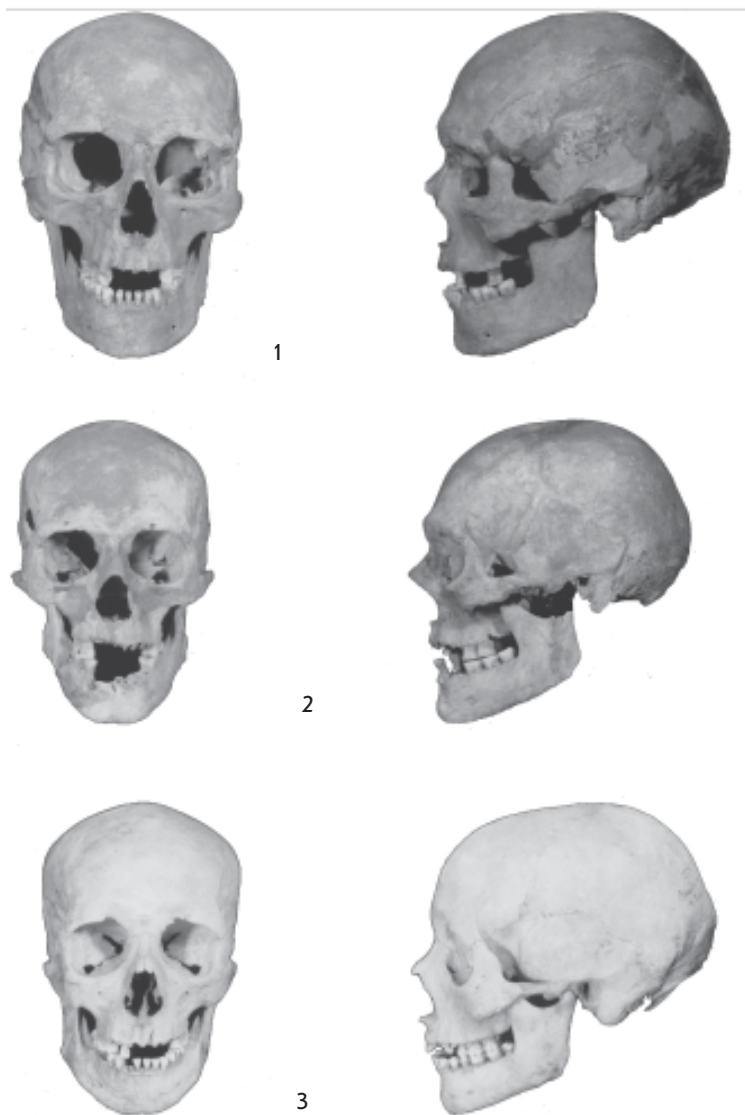

Рис.1. Черепа ямной культуры.

1 - мужской, гиперморфный, мезокранный европеоидный тип (Лопатино I, к.31, п.1, Самарская обл.); 2 - мужской, умеренно гиперморфный, мезо-долихокранный европеоидный тип (Ефимовка, к.6, Оренбургская обл.); 3 - женский, умеренно гиперморфный, мезо-долихокранный европеоидный тип (Лещевский I, к.1, п.1, Самарская обл.).

Рис.2. Черепа ямно-полтавкинского времени.

1 - мужской, сравнительно узколицый, долихокранный европеоидный тип (Нижняя Павловка V, к.2,п.3,ск.2, Оренбургская обл.); 2 - мужской, умеренно гиперморфный, долихокранный, европеоидный (Кряж I, к.1, Самарская обл.); 3 - мужской, гиперморфный, субдолихокранный, с уралоидной примесью (Линевка III, к.1,п.1, Оренбургская обл.);

Рис.3. Черепа ямно-полтавкинского времени (1) и потаповского культурного типа памятников (2, 3).

1 - женский, европеоидный, искусственная деформация (Нурский I, п.5);
2 - мужской, гиперморфный, мезо-долихокранный европеоидный тип (Потаповка I, к.5, п.8, Самарская обл.);
3 - мужской, узколицый, долихокранный европеоидный тип (Потаповка I, к.5, п.13, ск.1, Самарская обл.).

Рис.4. Черепа потаповского культурного типа памятников (1) и срубной культуры (2,3).

1 - женский, умеренно уплощенный, мезо-брахикранный уралоидный тип (Потаповка I, к.5, п.2, Самарская обл.); 2 - мужской, высоколицый, резкопрофилированный, южноевропейский тип (Спиридоновка II, к.2, п.37, Самарская обл.); 3 - мужской, узколицый, долихокранный, с уралоидной примесью (Спиридоновка II, к.1, п.1, Самарская обл.).

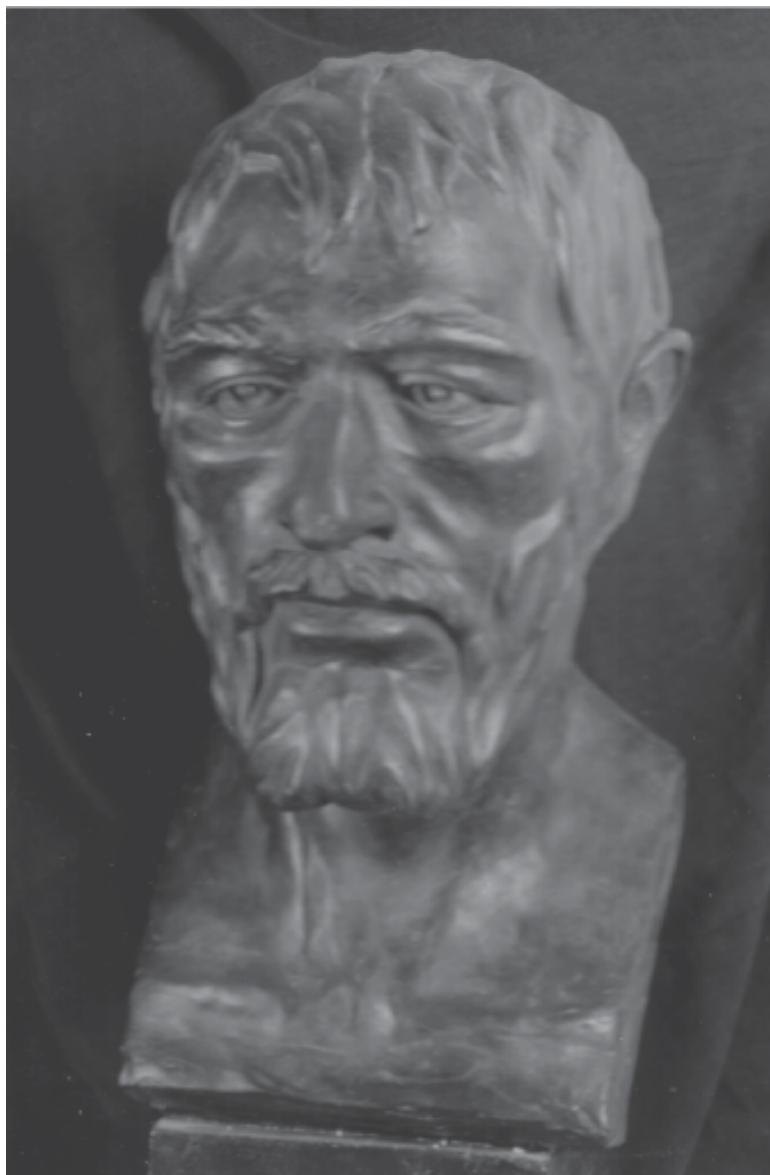

Рис.5. Скульптурная реконструкция лица по черепу. Мужчина полтавкинской культуры (мог. Красносамарский I, курган 1, погр.4, Самарская обл.). Выполнена Т.С.Сурниной.

Рис.6. Скульптурная реконструкция лица по черепу. Мужчина срубной культуры (мог. Лузановский, Самарская обл.). Выполнена Л.Т.Яблонским.